

A movie poster for the Russian film 'Iznananka pravdy' (The Truth is a Surprise). The main image shows a young woman with blonde hair, wearing a dark coat, holding a handgun and looking back over her shoulder. The background is a large, ornate train station with a glass and steel roof, where several people are walking. In the bottom left corner, there is a smaller inset image of a man sitting at a desk, looking down at some papers. The title 'ИЗНАНКА ПРАВДЫ' is written in large, bold, yellow letters with a textured, slightly distressed appearance. Above the title, the director's name 'СЕРГЕЙ БАКШЕЕВ' is written in white, sans-serif capital letters.

СЕРГЕЙ
БАКШЕЕВ

**ИЗНАНКА
ПРАВДЫ**

Сергей Павлович Бакшеев
Изнанка правды
Серия «Петля», книга 8

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

Убийство раскрыто, преступник осужден и в этот момент ключевой свидетель признается, что дала ложные показания. Получается, что осужден невинный. Следователя Петелину обвиняют в предвзятом расследовании. Осужденный совершает побег и требует оправдания. Общественность на его стороне, но есть противник, готовый его убить. Петелина перед выбором, признать свою ошибку и помочь беглецу, или уйти в декретный отпуск. И встает главный вопрос: кто настоящий убийца?

Содержание

1	4
2	9
3	15
4	23
5	31
6	36
7	41
8	47
9	54
10	62
11	70
12	75
13	82
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Сергей Бакшеев

Изнанка правды

1

На третий день пути спецвагон для заключенных перевалил за Урал. Точнее определить местоположение было трудно, опытные сидельцы угадывали направление по объявлениям дикторов на станциях. Глухая камера-купе отгораживалась от коридора решетчатой дверью, сквозь нее было видно мутное окно, за которым мелькали макушки высоких елей.

Поезд замедлил ход, за стеклом медленно проплыл одинокий столб, железные колеса устало отсчитали последний стук и замерли. Снаружи слышалась невнятная команда, громыкнула сцепка, локомотив дал прощальный гудок, состав двинулся дальше, а вагон для перевозки заключенных остался стоять на дальней платформе.

– Станция конечная, с вещами на выход, – осклабился один из осужденных.

– В колонии жратва горячая будет, – мечтательно отозвался другой.

Дверь вагона открылась, в затхлый смрад тюрьмы на колесах просочился свежий воздух. Сопровождающий караул

передал документы новому конвою, сдабривая служебные фразы матом и пошлыми шуточками. Вскоре по коридору прошелся невысокий крепыш в звании старшего лейтенанта, изучая колючим взором прибывший контингент.

На обратном пути он уже командовал:

– Я начальник конвоя Кочанов и довожу до сведения правила. При выкрике фамилии отвечаете «я», по команде выходите с вещами и приседаете на корточки. Вещи ставите вперед, руки на затылок. Смотреть только вниз! Называете свое имя и статью. В случае попытки бегства конвой стреляет без предупреждения!

Сердце Игоря Самсонова предательски ёкнуло, по спине поползли мурашки страха. Сколько он не подхлестывал свою решимость приказами: «я должен, я должен...», вместо них в голове зажужжала назойливая муха: «без предупреждения, стреляет без предупреждения».

Когда он услышал свою фамилию, хрипло выдавил «я», подхватил сумку и засеменил в полусогнутом положении к выходу из вагона. На перроне, прежде чем присесть на корточки, он прочел вывеску на крыше вокзала и бегло осмотрелся. Город Латайск, крупный железнодорожный узел, много путей, за ними нежилые постройки, забор с дырами, за домами просматривается лес. Удачно, что уже смеркается, а освещение имеется только около вокзала.

«Сейчас или никогда, – приказал себя Самсонов. – Решайся!»

Его жестко ткнул конвоир:

– Тебе особое приглашение?

– Осужденный Самсонов Игорь Романович, статья сто пятая, часть первая, – отчеканил арестант, опустившись на корточки в ряд с другими заключенными.

Не поднимая головы, он глянул влево-вправо. С обеих сторон вагона-тюрьмы платформу перегородили вооруженные конвоиры, у одного на поводке брызгала слюной лающая овчарка. Прямо перед ним за платформой имелись еще два пути, далее у бетонного забора находилась накатанная площадка. Судя по треску рации в руках начальника конвоя и его отрывистым командам, туда должны подъехать автозаки. Сейчас машины где-то сзади, пережидают приближающийся поезд.

К нарастающему издалека гулу добавилось едва ощутимое дрожание платформы. На подходе груженный товарняк понял Самсонов. Сердце забилося чаще – лучшего момента не будет! Сидя на корточках, он не мог видеть поезд, только чувствовал его приближение. Зато наблюдал перед собой ноги начальника конвоя. В отличие от конвоиров в служебных берцах, тот был обут в высокие кроссовки на белой подошве. Вызывающая белизна особенно раздражала после смрадного мрака тюремного вагона.

– Урааа! – вдруг вырвалось из глотки Самсонова.

Он вскочил, устремившись вперед, вцепился в начальника и вместе с ним грохнулся с платформы на путь перед по-

ездом. Спонтанный крик бойцов, рвущихся в атаку, мобилизовал его волю. Самсонов упал поверх Кочанова и сразу ощутил незащищенность своей спины – стреляют без предупреждения! Инстинкт сработал мгновенно, он перекатил оглушенного офицера на себя – вот вам, гады!

Мат конвоиров, лай пса, лязг затворов звенели на платформе, но все звуки перекрыл истошный гудок локомотива. Игорь краем глаза видел, что конвоиры в панике и не решаются стрелять, они бы неминуемо попали в начальника. Общую неразбериху усилили заключенные, вдохновленные примером смельчака. Многие вскочили, злорадно загалдели, некоторые под шумок пытались улизнуть, их избивали резиновыми дубинками.

А поезд приближался. Экстренное торможение локомотива дополнило страшную какофонию визгом сотен заблокированных колес, трущихся о раскаленные рельсы. Самсонов лежал на пути поезда и спиной чувствовал нарастающее дрожание шпал. Еще мгновение и...

Тело на нем заворочалось, он увидел расширенные глаза очнувшегося вертухая. Теперь в них не было ни капли заносчивой спеси, только животный страх. На платформе затарабанила автоматная очередь, конвой умирал эков, стреляя поверх голов. Додумались спустить овчарку, с бешеным лаем собака прыгнула вниз.

К дрожанию шпал прибавился набегающий воздушный вал. Пора!

– Я невиновен! – отчаянно выкрикнул Игорь в лицо начальнику, с силой оттолкнул его к платформе на набегавшего пса, а сам перекатился на другую сторону дороги.

В ту же секунду между ними загрохотал длинный состав. Разъяренные конвоиры стали стрелять под колеса поезда в надежде зацепить беглеца, но, кажется, рикошетом уложили овчарку, ее лай захлебнулся.

А зэк уже молотил пятками гравий железной дороги. Подбежав к забору, он оглянулся – остановившийся состав отгораживал его от конвоиров десятками вагонов в обе стороны. Погони пока не наблюдалось, темнело. Нужно пользоваться моментом!

В жизни старшего лейтенанта службы исполнения наказаний Дмитрия Кочанова случались неприятные моменты, но такого унижения, как сегодня, он еще не испытывал. Словно его окунули с головой в дерьмо и не дают отмыться. Так и ходишь у всех на виду жалким посмешищем, от которого нос воротят. Вдобавок правое плечо капитально отбито, под лопаткой синячище величиной с Африку, если спину за карту мира считать. Приложил его чертов зэк о рельсы.

Ну, только попадись, падла! Конец тебе!

В таком настроении глубоко за полночь Кочанов вышел из служебной машины около жилой пятиэтажки. Время разное по телефону закончилось, начальник колонии ждал его с отчетом лично – вон окошко на кухне светится.

Дверь в квартиру открыла супруга начальника: лицо в креме, в глазах презрение, руки в увлажняющих перчатках для омоложения кожи, оплывшее тело стянуто халатом. Старший лейтенант впервые позавидовал бабам, у мужиков от проблем мозга плаваются, а они своими морщинками озабочены. Женщина на приветствие ответила недовольной гримасой и исчезла в комнате.

Кочанов прошел на кухню. Там подполковник Василий Сердюк пил водку, закусывая холодной картошкой со сковородки и солеными огурцами из трехлитровой банки.

Начальник колонии исподлобья покосился на Кочанова, скривил губы, съязвил:

– Ну что, старлей, обрадовать явился?

– Не нашли пока, – устало доложил старший лейтенант, не решаясь сесть без приглашения.

– Не надо было терять! – огрызнулся Сердюк и опустошил стопку водки тягуче, лениво, словно по необходимости.

– Найду и грохну! – пообещал Кочанов, сжав кулак.

– Сразу надо было мочить! Куда стреляли? Только голу-бей распугали и кобеля ранили.

– Если по-другому, сейчас бы я в траурной рамочке красовался.

Сердюк пошевелил бровями и не стал возражать. Вероятно, предотвращение побега путем героической смерти сотрудника колонии было не худшим вариантом для начальника. Жаль не случилось. За вечер Сердюк уже наорался в телефон, вывалил на подчиненных тонны мата и сейчас чувствовал опустошение в груди, которое никак не заполнялось алкоголем.

– Возьми рюмку, выпей, – предложил он.

Кочанов сел за стол, сразу выпил, сунул руку в банку с соленьями и захрустел огурцом:

– Товарищ подполковник, как военные, с постами на дорогах помогут? – спросил он.

– У вояк то учения, то маневры. Болт они положили на наши проблемы, – махнул рукой Сердюк и кивнул на бутыл-

ку: – Разливай.

Оба выпили. Кочанов не решался закусывать из сковородки начальника и опять взял огурец. Мысли о беглеце не отпускали его.

– Понять хочу этого дебила. Самсонов первоход, но сразу по сто пятой. Кого он замочил? – поинтересовался старлей, зная, что начальник уже изучил дело осужденного.

– Жену, – безглаголитивно ответил Сердюк.

– Дело нехитрое, – согласился Кочанов.

– Самсонов москвич, тридцать три года, не из блатных. Менеджер или как там чистоплюи в костюмах называются. Вину не признал, получил девятку.

– Он мне тоже крикнул, что невиновен.

– Их послушать – колонии вообще не нужны. Все, блин, белые и пушистые!

– Да уж, уроды хреновы!

Кочанов кривой усмешкой поддержал шутку начальника. Он жадно смотрел на жаренную картошку, в голодном животе свербело от водки.

– Жри. – Сердюк отодвинул от себя сковородку. – И соображай, что будем делать?

Вилка активно заскрежетала по чугунной сковороде. Кочанов рассуждал, заглатывая картошку:

– Связей у Самсонова здесь нет, укрыться не у кого. Наших вольнонаемных я жестко предупредил, чтобы не впрягались за него. А если что узнают – стуканут, как миленькие.

– Лучше бы он был рецидивистом. – Начальник звучно высморкался и смял салфетку. – От дилетантов неизвестно, чего ожидать.

– Безбашенный он, сука! – Кочанов болезненно пошевелил травмированным плечом. – У меня теперь с ним личные счета.

– Приметы Самсонова всем разослали. Далеко не уйдет, должен попасться.

– По железке мог улизнуть. Когда мы на станции шмон устроили, выяснилось, что у одного из пассажиров пропала дорожная сумка. Если взял наш беглец, то уже переоделся.

– Одетый он или раздетый – ты должен его найти! – рубанул ладонью о стол Сердюк. – И разобраться с ним так, чтобы другим неповадно было. Ты понял?

– Мечтаю об этом. Возьму двух надежных ребят, мы будем на связи круглосуточно. Чуть что – подьем куда надо и закроем тему.

– Только по уму все сделай, – зашипел Сердюк, подавшись вперед. – И учти, строгач я тебе уже впаял, а если не найдешь беглеца или еще раз облажаешься, тут уж выговором не отделаешься. Вылетишь без выходного пособия!

– Да его, гада, вот этой рукой! – Кочанов ткнул вилкой в опустевшую сковородку, скосил взгляд на пустую бутылку и потер нос.

– Сейчас найду, – пообещал Сердюк. Он встал, загремел банками в кухонных шкафчиках, ворча под нос: – Да где ж

она? Куда спрятала? А, вот!

На шум появилась жена, зло зыркнула на гостя и пригвоздила супруга взглядом, как пикой.

– Куда? Хватит жрать водку, ложись спать.

Она попыталась выхватить у мужа новую бутылку, тот хмурился, не отдавал.

– Что встала? Не мешай! Мы дело обсуждаем.

– Обделались уже! – напирала супруга. – Тебе с утра перед Москвой отчитываться! Не врубаешься? До пенсии дослужи, а потом будешь мне указывать. Хрен я тебя буду содержать, если со службы выгонят!

Аргументы подействовали. Женщина выхватила бутылку, и пихнула мужа в спину:

– Пошел в кровать! – По пути она пнула ногой по стулу, на котором сидел Кочанов: – А ты че расселся?

Грозный начальник, от которого трепетали эки в колонии, покорно плелся в спальню. Кочанов счел разумным побыстрее исчезнуть.

В школьные годы Дима Кочанов был самым низким мальчиком в классе. Он вечно лез в драку при слове «шкет» или «недоносок», но редко побеждал крупных парней. В юности он понял, что только погоны нивелируют рост в глазах окружающих. Наполеон был маленьким, но великим. Он тоже станет генералом!

Но в военное училище Кочанова не взяли – и все из-за роста, вот же наказание! Пришлось податься во ФСИН, про-

ще говоря в конвоиры. Однако звания охранникам колонии присваивались не так быстро, как хотелось бы, а с учетом сегодняшнего провала он никогда не дождется даже капитанских погон. Эх, невезуха!

А ведь этот гад Самсонов выбрал его, как самого маленького из конвойных. Чтобы наверняка столкнуть небольшого и легкого. Опять его рост подвел. Ну, только попадись, тварь!

Кочанов ударил ногой по машине, будя задремавшего водителя. Вкус водки хотя и ощущался во рту, но драйва в голове не было. Водочка хороша, когда хочешь расслабиться и в постельку. А ему сейчас нужно быть бодрым и собранным, чтобы кровь в жилах кипела, глаза блестели, и рука была твердой. Для этого требуются другие средства – амфетамины.

Он знает, где их взять. У знакомой аптекарши, податливой дурехи, всегда можно разжиться крутыми таблетками для бодрости.

Елена Петелина расслабленно легла на пружинящую спинку высокого кресла, сложила руки на животе и окинула взглядом рабочий кабинет. Сколько лет она прослужила здесь следователем? Ой, долго, но все когда-то заканчивается.

Она только что оформила декретный отпуск, сегодня ее последний рабочий день. С одной стороны, она рада новому повороту на жизненном пути, а с другой – опасается: забыла, как рожала, кормила грудью, ухаживала за малышом. Дочь уже школу заканчивает, а она возвращается к исходной точке. Не поздно ли?

На рабочем столе царил необычный порядок: закрытый ноутбук, стопка чистых листов, стакан с карандашами и ни одного уголовного дела – все завалы достались коллегам. Пусть отдуваются.

Елена придвинула листок и стала выводить узоры тонко заточенным карандашом. Рука следовала за настроением, линии получались плавными, напоминавшими то мягкую улыбку ребенка, то профиль живота в разные месяцы беременности. Ей самой хотелось улыбаться.

Безмятежную расслабленность прервал громкий стук, вслед за которым входная дверь кабинета распахнулась. Петелина увидела дежурного, который едва сдерживал моло-

дую женщину.

– Елена Павловна, к вам свидетель по важному делу. Требуется срочной встречи, – оправдывался дежурный.

Следователь кивнула, и дежурный впустил взволнованную девушку.

– Какому еще делу? – спросила Елена, присматриваясь к посетительнице.

– Я Сергиенко, Маргарита Сергиенко. По делу Самсонова, – торопливо пояснила гостя. – Помните?

И Петелина ее узнала. Светловолосая девушка с зализанной прической в узких очках, обтягивающей юбке, приталенном жакете и белой блузке со скромно расстегнутой нашее пуговкой напоминала исполнительную секретаршу. Она и была ассистенткой бизнесмена в момент их знакомства. А еще ключевым свидетелем в деле об убийстве – успешно расследованном деле, по которому уже вынесен приговор.

– Присаживайтесь, Сергиенко, – предложила следователь. Не скрывая скепсиса, она спросила: – Чего вы хотели?

Маргарита села с другой стороны стола. Она держала сумочку на коленях, нервно мяла ремешки и с тревогой смотрела в глаза представителю закона, ища сочувствия.

Слова давались ей тяжело:

– Я соврала тогда... Обманула... Сказала неправду.

– Какую и когда?

– В тот вечер... Там... На месте убийства.

– И что же не так? – прищурилась следователь.

– Я видела убийцу. Это не Самсонов. – Дыхание девушки запнулось, на глаза набежала влага, она замотала головой: – Это не он, не он.

Петелина продолжала сжимать карандаш, не замечая, что надавила на листок и сломала грифель.

Ох, уж эти неожиданности!

В работе следователя планомерная работа всегда прерывается сюрпризами. Иногда хорошими: был тупик – и вот, как на блюдечке, появляется неожиданная улика или ценный свидетель. Но чаще удручающими: следствие, вроде бы, на верном пути – и тут открываются новые обстоятельства, которые все перечеркивают.

Елена скомкала бумагу с плавными узорами и швырнула ее в корзину для мусора. Она говорила медленно, сухо, фиксируя паузы:

– То есть, гражданка Сергиенко, вы заявляете, что во время следствия дали заведомо ложные показания?

Девушка закивала так интенсивно, словно ее тряс нервный тик.

Петелина повысила голос:

– В таком случае ваши действия попадают под статью уголовного кодекса. Вы осознаете, что нарушили закон?

Маргарита окончательно расплакалась и закрыла лицо руками. Елена встала, чтобы принести воды. Пауза требовалась и ей. Пока свидетельница приходила в себя, у нее появилось время, чтобы все вспомнить.

В тот день, пять месяцев назад, она была дежурным следователем. Поздним вечером поступил сигнал, что в частном загородном доме произошло убийство. Следственно-оперативная группа выехала на место происшествия. Дом располагался в бывшей деревне, которая благодаря близости к столице превратилась в благоустроенный поселок для среднего класса.

Труп молодой женщины нашли в прихожей. Бедняжке проломили голову. Чем именно – гадать не пришлось, окровавленное орудие убийства валялось рядом. Это была ложка для обуви – чугунная, кованная, с длинной витой ручкой. Про такие изделия народных мастеров в шутку говорят «убить можно» – вот и накаркали.

Погибшей оказалась хозяйка дома Екатерина Золотова, хорошо одетая тридцатитрехлетняя женщина. Ее опознала свидетельница Маргарита Сергиенко, да и паспорт убитой быстро нашелся. В паспорте имелся штамп о браке с Игорем Самсоновым, зарегистрированный около года назад.

И тут началось самое интересное.

Свидетельница сообщила, что видела убегающего Самсонова. По ее словам, муж жертвы, как полоумный, выбежал из задней двери дома и скрылся в темноте. Она хорошо знала семью и точно описала беглеца. Фотография Игоря Самсонова, пригодная для розыска, легко нашлась в интернете.

Пришел черед работы оперативников. Не прошло и часа, как они задержали пьяного Самсонова в придорожном кафе.

На его одежде имелись темные пятна, похожие на кровь.

Подозреваемого доставили к месту убийства. Он бормотал что-то невнятное про грабителя, за которым погнался, но тот оказался проворнее. В доме и правда были вывернуты некоторые ящики, разбросаны вещи, но создавалась впечатление, что сделано это впопыхах, непрофессионально. Бытовой сейф, вмонтированный в книжный шкаф, грабитель не потревожил.

Петелина взяла подозреваемого в оборот. Действовать надо было здесь и сейчас. При сильном стрессе и умелом давлении на психику человек не способен юлить и обычно сбрасывает маску, открывая истинное лицо. Однако Игорь Самсонов упорствовал и в убийстве жены не признавался.

По его версии в этот вечер они с супругой были в театре. Домой вернулись на личном автомобиле. Екатерина первой вошла в дом, а он в это время парковал машину в гараже и ничего не слышал. В прихожей он натолкнулся на упавшую супругу. В первое мгновение решил, что это обморок, склонился, чтобы помочь, приподнял ей голову и только тогда заметил ужасную рану под волосами. Катя не дышала.

В двух метрах на полу он увидел брошенную ложку для обуви. На окровавленном конце чугунной железяки прилипли длинные черные волоски – Катины волосы. Страх обострил его чувства. В глубине дома он услышал крадущиеся шаги и понял, что там убийца. Он осторожно двинулся на звук. В этот момент хлопнула задняя дверь дома, убийца убежал.

Самсонов, не раздумывая, кинулся за ним.

Выскочив из дома, он заметил убийцу, между ними было не больше пятнадцати метров. Он бросился в погоню, почти догнал неизвестного, но споткнулся в темноте и упал. А когда поднялся, убийцы не было видно. Он продолжал искать его, метался то в одну, то в другую сторону и оказался у дороги. Там под светом фонаря он увидел, что его руки и одежда испачканы кровью. Это была кровь погибшей жены.

Живот стянуло. Ему захотелось очиститься, он зашел в кафе, но отмыл только руки. И тут ему стало страшно, если он вызовет полицию, его же первым обвинят в убийстве! Настоящего убийцу он видел только со спины и не сможет описать. А Катя в этот вечер с ним поругалась.

Он выпил водку, не зная, что делать. А потом выпил еще и еще. И тут его сцапали.

К моменту окончания допроса криминалист из опергруппы дал предварительное заключение, что на орудии убийства имеются множественные отпечатки пальцев Самсонова. На его костюме помимо пятен крови найдены волосы из раны на голове убитой. И самое главное, свидетельница Сергиенко отрицала наличие второго человека.

Она позвонила в дом и сразу вслед за этим увидела, как Самсонов убегает через заднюю дверь. Он просто убегал и ни за кем не гнался! Удивившись, она вошла в незапертую дверь и обнаружила на полу Екатерину Золотову. Именно она вызвала «скорую» и полицию.

Маргарита рассказала, что Екатерина Золотова единственная дочь богатого бизнесмена Бориса Анатольевича Золотова. Дочь не работала, любила шопинг и спа-процедуры, а Самсонов, пытавшийся угодить зятю, много времени проводил на службе.

В общем, картина преступления прояснилась. Имеет место самое распространенное убийство на почве бытовой ссоры. А уж мотив для ревности, когда муж вечно на работе, а жена занята только собой и не стеснена в средствах, найти не трудно. Слово за слово, упрек на упрек, вспышка гнева и трагический финал.

Петелина, как дежурная, могла на следующий день скинуть уголовное дело местному следователю, но зачем упускать успех, который сам плывет в руки. Все, вроде бы, гладко. Убийство, по сути, раскрыто, следствие можно закончить за считанные дни. Галочка в статистике раскрываемости никому не помешает, поэтому она взяла простое дело себе.

Лабораторная экспертиза подтвердила предварительные выводы и по крови на одежде, и по отпечаткам на оружии убийства. Что еще надо? К тому же выяснилось, что после театра супруги заходили в кафе. Там пила только Екатерина. По свидетельству официанта она говорила в повышенном тоне и в чем-то упрекала мужа. Тот шикал на нее, призывал к сдержанности и силой увел из кафе.

Так бывает, на людях человек сдерживается, а дома дает волю рукам. Только в этот раз под руку попалась убойная

железяка.

Убийца был очевиден, прокуратура торопила следствие, дело быстро ушло в суд. В итоге Самсонова Игоря Романовича признали виновным в умышленном убийстве супруги и назначили наказание в виде девяти лет колонии строгого режима. Упрямец мог получить вдвое меньший срок, если бы покался и написал чистосердечное признание, что действовал в состоянии аффекта. Но он все отрицал и сам сломал свою судьбу.

Маргарита Сергиенко осушила стакан воды несколькими судорожными глотками, использовала ворох бумажных платочков, чтобы привести в порядок заплаканное лицо, и уткнулась застывшим взглядом куда-то в центр стола между собой и следователем.

– Успокоились? А теперь рассказывайте все по порядку, – предложила Петелина, но предупредила: – Только прежде еще раз хорошенько подумайте об ответственности за ложные показания.

Сергиенко обреченно вздохнула, словно перед нырком в бездну, ее плечи отчетливо приподнялись, а когда опустились, она заговорила медленно, не поднимая взгляда:

– В тот вечер умер Борис Анатольевич Золотов. – Девушка умолкла, погрузившись в воспоминания.

– Отец убитой Екатерины Золотовой. Я знаю, – поторопила Петелина.

– Борис Анатольевич тяжело болел, онкология... Его смерть не была неожиданной. Я находилась в больнице, когда это произошло.

– Почему? – вырвался профессиональный вопрос у следователя. – Вы все-таки не родственница.

– Я работала личной ассистенткой Золотова без малого пять лет и уверена, что общалась с ним чаще чем его род-

ная дочь. — Маргарита посмотрела в глаза Петелиной, словно оправдывалась. — Борис Анатольевич вызвал меня в больницу, чтобы дать распоряжения о похоронах, собственном погребении. Представляете?

— Это печально.

— Он чувствовал, что уходит, и не хотел нагружать дочь траурными хлопотами. За два года до этого скончалась его жена, мать Кати, тоже от рака. В общем, семейная трагедия. Я приехала в больницу, но не успела, он уже отошел.

Сергиенко опустила взгляд и снова сжала ремешки сумочки.

— Продолжайте, — попросила следователь.

— Врач сказал, что надо оповестить родных. У Золотова осталась только дочь Катя, и я позвонила ей, но она не ответила. Тогда я поехала к ее дому, чтобы сообщить лично. По телефону говорить о таком... Если честно, я рассчитывала, что, когда доеду, ей кто-нибудь расскажет о смерти отца, и мне не понадобится сообщать дурную весть.

— Я в курсе, что Екатерина Золотова была в театре и отключила телефон. — Петелина подчеркивала, что предысторию хорошо знает. — Пока вы мне ничего нового не рассказывали. Итак, вы приехали к коттеджу, где проживала дочь Золотова. Что было дальше?

— Я увидела темные окна и подумала, что в доме никого нет. Хотела позвонить Кате, но на первом этаже загорелся свет. Я подошла к калитке и услышала что-то странное, по-

хожее на крик. Тогда я подумала, что включили телевизор. Нажала кнопку звонка у калитки, в доме послышалась трель, но никто не ответил. И вдруг, я увидела, как справа из-за дома выбежал человек. Он шел не к калитке, а убегал прочь.

Петелина слушала и вспоминала. Показания свидетельницы совпадали с теми, что были приобщены к уголовному делу. Вокруг дома убитой была невысокая декоративная ограда, через которую просматривался двор. В доме имелся второй выход непосредственно в сад. Здоровый человек мог преодолеть забор в любом месте и скрыться в переплетении улочек.

– Вы увидели Игоря Самсонова? – переспросила Елена.

Наводящие вопросы не делали чести следователю, но именно такие показания были зафиксированы в уголовном деле и сыграли ключевую роль в обвинении.

– Нет, – после паузы ответила Маргарита. – Первым из дома выбежал другой человек, а следом за ним погнался Самсонов.

– Та-ак, приехали.

Елена откинулась на спинку кресла и уставилась на свой огромный живот. Что она, беременная баба, здесь делает? С завтрашнего дня у нее законный отпуск на многие месяцы и совсем другие заботы, связанные с новой родной жизнью, а не с чужой смертью. Прекратить разговор и направить к другому следователю? Никто из коллег ее не осудит, все и так удивляются, зачем она тянет служебную лямку сверх всяких

сроков. Вполне могла сидеть на больничном, повод в ее положении найдется.

Но профессиональный интерес взял свое. Петелина не заметила, как в ее руках оказался карандаш, который она сжимала между пальцами, причиняя себе боль.

– Допустим, – выдавила она. – Допустим, вы видели другого человека. Кто это был? Вы узнали его?

– Нет.

– Опишите.

– Я не видела лица. Было темно, а он в черных джинсах и темной ветровке с капюшоном. Средний рост, обычная фигура, бежал быстро.

Теперь показания Сергиенко совпадали с версией Самсонова. Тот упрямо утверждал, что погнался за убийцей в джинсах и курточке, но видел его только со спины.

– Дальше, – потребовала Петелина, уже не скрывая испорченное настроение. – Чем еще вы меня обрадуете?

– В тот момент я ничего не поняла, открыла калитку, вошла в дом, дверь была не заперта. А там лежала Катя, лежала неестественно, не так если бы споткнулась. Я увидела грязную лужицу вокруг ее головы, слипшиеся волосы и ужасную рану... – Маргарита вновь зашуршала салфеточками, прикладывая их к глазам. – Я не помню, сколько времени находилась в шоке. Потом выбралась на крыльцо, отдышалась, вызвала полицию и «скорую».

– Давайте вернемся к главному. Первоначально вы заяви-

ли, что видели убежавшего Игоря Самсонова, а сейчас утверждаете, что он гнался за неизвестным мужчиной.

– Да.

– Почему вы соврали на следствии? – жестко спросила Петелина.

– В тот вечер я была не в себе. Сначала смерть Бориса Анатольевича, мне показали его мертвого, какого-то матового, уже раздетого. Потом его дочь на полу с пробитой головой. Все так ужасно!

– И все-таки? Вы успели прийти в себя к моему приезду. Сергиенко перевела дух и обиженно затараторила:

– Да, я пришла в себя и вдруг поняла, что после их смерти все имущество достанется никчемному Самсонову. Вы же видели Катю. У нее лицо широкое, невзрачное, а икры, как ножки у рояля, ей было уже тридцать три, когда он на ней женился. Это был брак по расчету. У Золотова четыре бизнес-центра, на деньги от аренды можно жить припеваючи – и все теперь отойдет Самсонову! За что? Ведь я же и правда была с Борисом Анатольевичем чаще, чем его родная дочь или зять. Я вечно задерживалась по вечерам, выходила в выходные, навещала его в больнице, наплевав на личную жизнь. И что мне за труды? Обычная зарплата и жалкие подарки к новому году и дню рождения.

– Вы любили Золотова? – предположила Елена. – Между вами что-то было?

– Ничего такого, – замотала головой Маргарита, опустив

взгляд. – Хотя я надеялась, что в последний момент Борис Анатольевич вспомнит обо мне, как-то наградит... А он позвал, чтобы организовать похороны. Мне морг, кладбище, а кому-то жизнь без хлопот. Так обидно!

Женская обида и зависть – достаточный мотив, чтобы оболгать человека, убедилась Петелина. Только ложь в данном случае имела далеко идущие последствия.

– Вы были обижены на Золотова и завидовали Самсонову. Вы были расстроены и солгали. Маргарита, вы хоть понимаете, что натворили? – возмутилась Елена.

– Простите, это была минутная слабость.

– Минутная слабость, которой разрушила человеку жизнь!

– Я же не знала, что так выйдет. Не ожидала, что его посадят. Думала, пусть Самсонова арестуют, напугают, подержат за решеткой. Ведь будет следствие, они во всем разберутся, – оправдывалась свидетельница.

«Они – это значит я, – корила себя Петелина. – Не разобралась, поверила свидетелю, а не подозреваемому, пошла по легкому пути. И кого теперь винить?»

Перед ней оказался чистый лист бумаги, рука с ожесточением чертила новые узоры. Рисунки получались колючими и злыми, такими же, как беспокойные мысли.

Сергиенко продолжала бубнить и извиняться:

– Вы меня простите. Потом все так быстро завертелось, что брать слова назад стало уже поздно. Меня и не спраши-

вали. Вы один раз допросили – и все.

– Потому что протокол с вашей подписью уже был в деле. На вас никто не давил, вы подтвердили показания! – грубо парировала следователь.

– Простите.

– Да что мне ваши прощения! Почему только сейчас решились сказать правду?

– Так он же сбежал, – округлила глаза Маргарита.

– Кто? Откуда?

– Самсонов. Нам звонили на работу, предупредили, если Самсонов объявится или к кому-то обратится, тут же дать знать.

«Вот это номер! – оторопела следователь. – До чего же я расслабилась. Раньше других учила начинать день со сводок происшествий, а сегодня сама не удосужилась...»

Она придвинула ноутбук, проверила информацию по федеральным сводкам – точно! Дерзкий побег осужденного за убийство Игоря Самсонова на пересылке. Поиски по горячим следам не принесли результата. Преступник скрылся. Это означает, что круг его поисков надо стремительно расширять.

– Я боюсь, а вдруг он доберется до меня и отомстит, – лепетала Маргарита. – Поэтому и пришла, чтобы сказать правду. Вы дадите мне охрану?

– С удовольствием, в виде конвоя и камеры в изоляторе, – раздраженно ответила Елена. – Гражданка Сергиенко, вы да-

ли заведомо ложные показания, которые повлияли на приговор. Это статья и срок!

– Что же мне делать?

– Сушить сухари!

Петелина вбила в строку поиска «Самсонов побег». В сети уже появились комментарии в защиту беглеца. Он не признал вину, осужден несправедливо, его побег – это протест против произвола следствия и жест отчаянья, чтобы обратить на себя внимание.

Вот теперь точно приехали! Что же делать? Признать ошибку следствия, пообещать беглецу, что его дело будет пересмотрено, и заново искать неизвестно кого? Или оставить все как есть? Мир большой и сложный с вечными проблемами, а она ждет маленького малыша, который надолго станет ее вселенной.

Внештатный корреспондент уральской районной газеты Дарья Лоткина попрощалась с огородником-энтузиастом. Выйдя за калитку, она пролистала фотографии в смартфоне и выбрала самую эффектную. Огромная морковь, сросшаяся с мелкими морковками, была похожа на сказочного лешего со слипшимися волосами и выющимися усами.

Дарья послала снимок начальнику райотдела культуры, по совместительству редактору местной газеты, сопроводив подписью: «Не только самоцветы, но и такие диковинки дарит щедрая уральская земля». Неделю назад ей удалось сфотографировать гриб, размером с футбольный мяч, а в следующий раз дойдет дело до гигантской тыквы, пусть та еще подрастет.

Главный по культуре тут же перезвонил. Говорил он, как обычно, не вполне культурно:

– Лоткина, ты меня бесишь! То гриб, похожий на задницу, втюхать пытаешься, а сейчас вообще похабень прислала.

– Это морковка, как Черномор из сказки.

– Ты поверни фотку, Лоткина. Что видишь? Морковку Черномора! Оставь ее себе для развлечений, а сейчас дуй на станцию Чернорецкая. Был звонок о минировании вокзала. Ноги в руки и бегом!

Даша повернула снимок – фу! – и передернула плечами:

какие же извращенные у мужиков мозги! Она видит в природе сказочную красоту, а они только пестики и тычинки. Неужели у них на уме только это?

К железнодорожной станции Чернорецкая девушка приехала в дурном настроении. Сенсации тут не светит. Телефонные хулиганы недавно покуражились в крупных городах, теперь переключились на малые – наверняка пустышка.

К ее удивлению здание станции было окружено полицией, всех пассажиров и железнодорожников эвакуировали за оцепление в ожидании приезда саперов. Даша повертелась около начальства и выяснила, что после звонка неизвестного на станции обнаружили подозрительную сумку с торчащими из нее проводами.

Ситуация начинала становиться интересной. Лоткина убрала куртку в рюкзак, оставшись в обтягивающей футболке с треугольным вырезом, прикрепила на грудь бейджик с надписью «Press» и стала снимать происходящее на телефон.

На двух грузовиках прибыли военные саперы, облачились в устрашающие защитные костюмы, народ затих. Когда саперы, похожие на жутких роботов, вошли в здание, собравшиеся на площади попятились в поисках укрытия. Лоткина, пользуясь бейджиком на выпяченной груди, просочилась к военным, те указали ей безопасное место за грузовиком.

В ожидании апокалипсиса прошло четверть часа. Наконец, саперы покинули здание станции. Теперь их лица были открыты, один нес черно-синюю дорожную сумку, другой

связку проводов.

– Имитация. Только провода, даже муляжа нет, – расслышала Дарья сообщение по рации. – Зато в сумке записка.

– Угрозы? Требования?

– Фигня какая-то. Сами разбирайтесь.

Саперы принесли сумку и передали полиции. Несмотря на заверения в безопасности, начальник полиции раскрыл сумку без резких движений, а записку на стандартном листке бумаги поднял в вытянутых руках, едва касаясь пальцами. Он с облегчением положил листок на капот машины и придал зажигалкой.

Пока полицейские не склонились над текстом, Лоткиной удалось сфотографировать записку. Ее бросился отеснять рьяный патрульный. Девушка не спорила, одарила стража порядка обескураживающей улыбкой и отошла – наглость должна быть дозированной.

Уединившись, она проверила снимки. Удача! Текст записки вполне читался. Дарья пробежала глазами рукописные строки.

«Меня зовут Игорь Самсонов. Я осужден за убийство жены, которое не совершал. Я любил Катю и не мог этого сделать. Не мог! Поймите, это просто невозможно! Но следователь Петелина сфабриковала дело, и я получил девять лет за то, что пытался спасти раненную Катю и поймать убийцу. Во время следствия я сотни раз твердил, что невиновен, но мне не верили. В отчаянии я совершил побег. Невинный

не должен сидеть в тюрьме, это высшая несправедливость. Я не знаю, что мне делать, и кто мне может помочь. Просто знайте, что я невиновен, чтобы со мной не случилось. Я – не виновен!»

На первый взгляд любопытно, нужны детали. Лоткина нашла информацию о побеге Самсонова в интернете. Вчера в Латайске – это рядом, все сходится!

Она прочла записку снова, медленно, вдумчиво. Супер! У нее в руках не морковь с тыквой, а изломанная судьба человека. Наконец-то настоящая информационная бомба! Отчаявшийся человек пошел на крайнюю меру, чтобы о нем узнали. Он невиновен и просит помощи. Власть против него, значит помочь простому человеку может только общественное мнение.

Даша набила короткий текст о происшествии на станции и послала редактору. Вдогонку отправила снимки с общими планами: встревоженные пассажиры за лентой оцепления, сосредоточенные полицейские, саперы в полной амуниции. Для газеты сойдет.

Самый лакомый кусок – фотографию с запиской на капоте полицейской машины – она приберегла для собственного блога. Крик души отчаявшегося человека она выложит в социальную сеть. В довесок найдет снимок счастливой пары до трагедии, добавит слюнявых эмоций, попросит друзей перепостить сообщение, разогреет дискуссию первыми отзывами с левых аккаунтов, а дальше пошло-поехало.

Уже и хежтег придуман: #СамсоновНевиновен. Волна народного гнева гарантирована!

Она даст понять, что каждый может оказаться на месте несчастного Самсонова. Сегодня ты на свободе, а завтра в тюрьме. Произвол судебной системы нужно остановить! Позор тем, на чьей совести обвинительный приговор! И первый кандидат для праведного гнева уже имеется.

Беглец указал имя реального виновника своей трагедии – следователь Петелина.

После обескураживающего разговора с Маргаритой Сергиенко в сжатых пальцах Петелиной еще долго скрипел грифель карандаша. Она исчеркала несколько листов нервными зигзагами, разбросала их по столу и схватилась за голову. Час назад чистота и порядок соответствовали ее благодушному настроению: она по правилам завершила служебный этап и готовилась заново стать мамой, а сейчас бардак на столе отображал ее душевный надлом.

Морщась от досады, Елена позвонила Георгию Чуприну. Прокурор в чине советника юстиции представлял обвинение в суде по делу Самсонова и как всякий карьерист умело обходил препятствия на должностной лестнице. Тогда он торопил следствие, зарабатывая очередной бал на пути к званию старшего советника юстиции. Что же он скажет сейчас?

Прокурор Чуприн был в курсе побега Самсонова, выслушал новость о явке свидетельницы, на минуту задумался и решительно осудил подавленное настроение следователя:

– Кто она, а кто мы? За нами власть, пробьемся! – уверенно заявил он и предложил встретиться после работы в кафе.

На место встречи Елену отвез гражданский муж Марат Валеев, майор-оперативник. В последнее время Марат не позволял Елене водить машину и больше нее ждал заветного дня, когда беременная женщина усядется дома и выбросит

из головы нервную работу.

В кафе Чуприн заказал себе большую порцию коньяка и салат. Он прибыл на личном автомобиле, но был одет в прокурорскую форму и плевал с высокой колокольни на возможную встречу с гайшниками. Елена пила зеленый чай, а Марат цедил томатный сок через трубочку.

– Удивила, так удивила, – приветствовал Петелину прокурор, косясь на ее большой живот. – Когда ждешь, уже скоро?

– После сегодняшних новостей в любой момент, – уныло ответила Елена.

– Да-а, учудил придурок Самсонов. Прошло более суток, а он еще в бегах. Сумел улизнуть, гаденыш, пока дороги не перекрыли. Там много возможностей: узловая станция, поезд, автобусы, попутки. Да и лес кругом на десятки километров. Не ожидал от офисного менеджера подобной прыти.

– Не в нем дело. Свидетельница Сергиенко изменила показания.

– Ох, уж эти свидетели! Не дают хорошим людям работать. Куда она лезет, дуреха? Сказала один раз то, что нужно – заткнись! – Чуприн выпил, ткнул вилкой в греческий салат, подцепил белый кубик феты, черную маслину, пожевал, что-то обдумывая: – Петелина, ты протокол с новыми показания оформила?

– Какое там, просто выслушала ее. Дело, как таковое, закрыто.

– Свидетельницу предупредила, что она сама голову в пет-

лю сует?

– Прочла ей статью о заведомо ложных.

– Тогда выкинь дурь из головы! Нет бумаги – нет показаний.

– А если Сергиенко сказала правду? По идее нужно возобновлять расследование по вновь открывшимся обстоятельствам. Но я же, считай, в отпуске. – Елена сложила руки на животе.

– Ну вот! – обрадовался Чуприн и обратился к Марату. – Валеев, ты объясни своей женщине, что для нее сейчас важнее. Будущий ребенок! А со служебными проблемами мужики разберутся.

– Как? – в сердцах спросила Елена. – Как вы разберетесь?

Чуприн снова выпил, закусывать не стал, кинул взгляд по сторонам и придвинулся к собеседникам, дыша парами алкоголя:

– Лучший вариант для всех в данной ситуации, если беглого ээка устранят при задержании. Я связался с колонией, куда его этапировали, прощупал почву. Начальник конвоя старший лейтенант Кочанов адекватный тип, понимает, что к чему. Он облажался и горит желанием исправить ошибку. Да так, чтобы другим заключенным неповадно было. Я его поддержал.

– Ты серьезно? – осознав к чему клонит Чуприн, отшатнулась Петелина.

– Наш прокол – мелкая служебная неприятность по срав-

нению с его провалом. Для начальника конвоя, который лично прошляпил побег убийцы, лесенка наверх закрыта. Если только он сам не исправит ситуацию.

– Но Самсонов невиновен! – вырвались у Елены слова, которые она подсознательно утрамбовывала в душе.

– Кто сказал? Лгунья Сергиенко? Как следует припугнем, что закроем за дачу ложных, и пусть она выбирает: болтать себе во вред или молчать в тряпочку. – Чуприн снова выпил и, закусывая салатом, стал рассуждать. – Невинные в побег не идут. Побег – это уже статья. А ты готова Самсонова оправдать. Глупо! Валеев, я к тебе как к оперу обращаюсь. Подтверди, что побег и оправдание – плохой пример для преступников. Побег и смерть – вот, что нам надо!

Марат замялся. Из трубочки ему на руку капнул томатный сок. Алое пятно напоминало кровь. Он вытер руку салфеткой и произнес:

– Лично нам с Леной сейчас нужно спокойствие.

– Вот ты и ответил: спокойствие – это покойник! – Чуприн назидательно приподнял вилку, выждал паузу и с хитринкой посмотрел в глаза следователя: – Я тебя успокоил, Петелина? Извини за фамильярность, но жесткость необходима в нашей работе. Ты женщина в положении, поэтому расслабилась. Вспомни, как тебя называют – Петля!

Марат, видя подавленность Елены, поспешил поддержать ее:

– Лена, и правда, думай о ребенке. Проблему с преступ-

ником без тебя разрулят.

– Не в первый раз, – заверил прокурор.

– А если он не преступник?

– Опять ты за свое, – поморщился Чуприн, залпом махнул остатки коньяка и встал, прощаясь: – Через год-другой жду прежнюю Петлю, сильную, решительную! А пока доверься мне.

Всю дорогу домой Елена мучилась в сомнениях: кто она теперь – следователь, обязанная искать и находить преступников, не забывая о справедливости, или женщина в декрете. Когда-то она руководствовалась правилом: лучше совершить ошибку и отпустить преступника, чем посадить невиновного. А что теперь?

Старый угловатый джип «чероки» болотного цвета неся по ухабистой дороге, не жалея подвески. Это была личная машина старшего лейтенанта Кочанова. Когда на кону погоны и карьера, экономить не с руки, лучше свой неубиваемый вездеход, чем служебная тачка, склонная к поломкам.

Трое пассажиров джипа были одеты в несвежую серо-синюю форму камуфляжной расцветки и такие же кепки. За рулем сидел усатый крепыш сержант Ширко. Рядом с ним высокий сержант по фамилии Сиротин зорко смотрел по сторонам, придерживая на коленях укороченный автомат Калашникова. Начальник конвоя Кочанов развалился сзади. Отчасти они напоминали охотников. Они и были официальными охотниками за двуногим беглецом, осмелившимся бросить вызов устоявшемуся порядку в колонии.

– Старшой, Чернорецкая! – гаркнул Ширко задремавшему на заднем сиденье старшему лейтенанту.

Кочанов продрал глаза и глянул в окно. Частные домишки, прятавшиеся за палисадниками, сменились двухэтажными домами с чердачными окошками под фигурными крышами, а те в свою очередь уступили место более рослым панельным многоэтажкам с пристроенными стекляшками магазинов.

Старлей тайком выдавил таблетку из кармана, сунул в рот

и запил водой. Волшебное средство от заботливой аптекарши приятно торкнуло в голову. Взбодренный он поправил кобуру на поясе, пальцы нервно поиграли застежкой – скорее бы!

Где-то здесь может прятаться подавшийся в бега Самсонов. Вырвался, гад, из оцепления. От Латайска, где зэк уложил его на рельсы, до станции Чернорецкая часа три по железной дороге. Мог запрыгнуть на товарняк, а мог и проводнице мозги запудрить. Одинокие бабы жалеют сидельцев, тешат себя надеждой, что это до нее он был непутевым хулиганом, а с ней, доброй и ласковой, станет работающим любящим мужиком. Полный дуры! Не понимают скудным умишком, что сколько волка не корми, он все равно в лес смотрит.

Трюком с несуществующей бомбой Самсонов дал подсказку, где его искать. Рискнул поднять общественное мнение, известности захотел, наглец! Такая известность безымянной могилой часто заканчивает. В расчете на летальный исход Кочанов взял с собой двух проверенных конвоиров, Широ и Сиротина. У этих рука не дрогнет завалить что волка дикого, что зэка беглого.

«Чероки» свернул с центральной улицы и остановился на привокзальной площади станции Чернорецкая. Сержанты вопросительно посмотрели на старшего. Кочанов вышел, размял ноги, осмотрелся. Подчиненные последовали за ним.

– Звонок о бомбе поступил из привокзального телефона-автомата. Он тут единственный, – указал Кочанов на те-

лефон на стене под пластиковым козырьком.

– Над главным входом камера висит, – заметил Широ. – Самсонов мог засветиться.

– Проверим, – решил Кочанов, направляясь к зданию станции. – Лишь бы в этой дыре техника работала.

Дежурный по станции, потный толстяк в засаленной железнодорожной фуражке, принял Кочанова с усталой раздражительностью.

– Нас всех опросили, и опять? – не скрывал недовольство служащий. – Какой-то дурак шутки шутит, а нам работать не дают.

– Не дурак, а убийца, сбежавший с этапа. Нам надо видео посмотреть. Время звонка известно, все что около этого часа и покажите.

– Полицейские сделали копию всех записей и забрали себе. К ним обращайтесь.

– Ваши не знают, кого именно искать. А я этого гада вот так держал!

Кочанов схватил дежурного за грудки, притянул к себе и заглянул в округлившиеся глазки. Ох, если бы перед ним сейчас был Самсонов, он бы отыгрался за ту роковую опшибочку!

Дежурный почувствовал kloкочущую злобу, пугливо покосился на гостей с автоматом и пошел на попятную:

– Да включу я, отцепитесь. Сейчас, сейчас... – Он сел за монитор, пощелкал по клавиатуре. – У нас всего две камеры.

Одна внутри около касс, а другая снаружи. В кассах билеты только по паспорту. У вашего был паспорт?

– Показывай наружную, – приказал Кочанов.

– Любуйтесь. – Дежурный промотал запись, нашел нужное время. – Вот этими клавишами управлять: туда-сюда, пауза. А я пойду, работать нужно.

Конвоиры сгрудились у монитора, узнали привокзальную площадь. Пассажиры входили и выходили из здания станции, кто с чемоданами, кто налегке. Качество картинки позволяло рассмотреть только их фигуры.

– Черт, я его рожу навсегда запомнил, а вот фигуру, – ругался Кочанов.

– Я видел, как он бежал. Худой, шея вытянута, – припомнил Сиротин. – Ну ка, останови, старшой. Вот этот тип, кажется, похож. Еще раз прогони.

На мониторе худой человек, одетый в спортивный костюм, быстро уходил от здания станции.

– Он, зуб даю! – подтвердил Сиротин.

– Уходит со стороны телефона-автомата, время совпадает. – Кочанов остановил кадр и увеличил картинку. – Теперь мы знаем, как Самсонов одет. Светло-серый спортивный костюм, на левом бедре надпись Nike. Широко, поищи подобные в интернете.

Сержант заелозил пальцами по смартфону, нашел подходящие картинки, показал начальнику.

– Если костюмчик из этой серии, то на груди тоже надпись

Nike.

– Крупные буквы, хорошая ориентировка, – порадовался Кочанов и задумался, наблюдая в каком направлении Самсонов исчезает из кадра. – Куда он попер?

Конвоиры покинули станцию, прошли по следам беглеца. Пешеходная дорожка, свернув от станционных построек, вывела на междугороднюю трассу, по которой то и дело проезжали большегрузные фуры. Кочанов снял форменную кепку, почесал затылок.

– Здесь делать нечего, – решил он. – Надо новую ориентировку на Самсонова во все отделы разослать.

Они заехали в городское управление полиции. Дежурный офицер выслушал начальника конвоя, указал, куда обратиться, и посочувствовал:

– Твои мудаки зэка упустили? Гнать бы их надо, да кто в колонии служить будет.

Кочанов сдержанно кивнул, скрывая злобу. Скоро и сюда дойдут детали о его «геройстве» в момент побега, тогда отношение коллег будет иным. Им только дай повод позубоскалить над неудачником.

Он прошел в кабинет и заполнил розыскную ориентировку на Самсонова. Особо отметил, что в случае обнаружения опасного преступника надлежит сразу звонить старшему лейтенанту Кочанову. Его оперативная группа уполномочена осуществить задержание беглеца.

На словах проштрафившийся офицер добавил для пафо-

са:

– Для меня это дело чести.

– После такой заварухи Самсонову терять нечего, – предупредил полицейский, осуществлявший рассылку.

– Мне тоже, – сквозь зубы выдавил старший лейтенант.

Елена и Марат сели ужинать. На кухне привычно работал телевизор. Только что закончились вечерние новости и прозвучал анонс следующей передачи – ток-шоу с популярным телеведущим Шиловым. Услышав тему передачи, Марат схватился за пульт и переключил канал.

С невозмутимым видом он продолжил трапезу, однако услышал холодный голос Елены:

– Верни назад.

– Там ерунда всякая, а тут детектив начинается, – бесхитростно улыбнулся Марат.

Не прокатило. Елена забрала пульт и нажала кнопку одного из центральных каналов. На экране под бодрую музыку пошла заставка злободневного ток-шоу «Шило». После хоровода картинок вокруг длинного шила с поблескивающим острием появилась знакомая студия с амфитеатром для зрителей и двумя диванчиками для главных героев.

В центр студии вышел известный телеведущий и начал с заученной фразы:

– Здравствуйте. С вами Артур Шилов! Правду, как и шило в мешке, не утаишь, и сегодня мы извлечем на свет новую острую правду!

Тренированная массовка бойко зааплодировала, тревожная музыка настроила аудиторию на нужный лад. Ведущий

заглянул в планшет, который держал в руках.

– Герой нашей программы – убийца Игорь Самсонов. – Шилов выждал звенящую паузу и продолжил: – Так решил суд, но Самсонов утверждает, что он невиновен в жестокое убийство любимой жены Екатерины Золотовой. Трагедия произошла пять месяцев назад. Попробуем найти правду.

Ведущий стал комментировать кадры счастливой семейной жизни Игоря и Кати: свадьба, песчаный пляж с пальмами, улыбающиеся глаза поверх бокалов с коктейлями. Слащавый видеоряд завершали всполохи полицейских машин около их загородного дома и снимки женского тела на полу.

Голос Шилова приобрел трагические ноты:

– Игорь Самсонов вошел в дом на несколько минут позже супруги и застал Катю без признаков жизни с жуткой раной в голове. А дальше началось следствие, закончившееся обвинительным приговором. Самсонов разом потерял любимую женщину и свободу.

В наступившей тишине показали простой деревянный крест на могиле Екатерины Золотовой и убитого горем Игоря за решеткой.

Шилов сменил тон, его голос стал жизнеутверждающим:

– И вот недавно Игорь Самсонов пошел на отчаянный шаг. На этапе в колонию он сбежал из-под стражи. А дальше повел себя совершенно неожиданно. Он сообщил о минировании вокзала, и все ради того, чтобы привлечь внимание к

своей записке. Это был крик души человека, оказавшегося в безвыходной ситуации. Сейчас его послание активно обсуждается в сети.

Рукописную записку показали на экране. Шилов прочел текст с явной симпатией к осужденному, и Петелина услышала свою фамилию. Она уже видела записку в интернете и догадывалась, что информационный взброс породит грязные отклики, подобно кругам на воде от брошенного камня. Однако сейчас о ее роли в деле Самсонова разом узнали миллионы телезрителей, теперь нужно готовиться не к ряби возмущения, а к волнам негодования.

Аппетит пропал. Елена бросила столовые приборы на тарелку, вытерла пальцы, изорвав салфетку.

– Лена, причем тут ты, если приговор выносит суд, – попробовал утешить любимую женщину Марат.

Она снисходительно взглянула на него, как на малое дитя. А телеведущий Шилов преподнес новый сюрприз:

– В нашей студии Маргарита Сергиенко. Она главный свидетель обвинения в деле Самсонова, и сегодня Маргарита готова признаться, что оклеветала его.

Камера переключилась на гостью. Сергиенко прошла к диванчику, глядя в пол. Села, сжав руки на коленях, подняла виноватый взгляд и заговорила в протянутый микрофон.

Девушка рассказывала ту же историю, что в кабинете следователя. Как в первый момент соврала из-за черной зависти к незаслуженному богатству, а потом, когда одумалась,

ее уже и не спрашивали. Только теперь в студии она говорила без нервных всхлипываний, обреченно и возвышенно, словно каялась.

Шилов умело поднял градус дискуссии:

– Девять лет! Девять лет строго режима – вот цена минутной слабости. Слова могут убить, если эти слова – ложные показания.

Аудитория негодующе загудела. Камера выхватывала гневные лица, бросавшие обвинения: «ты жизнь человеку сломала», «как можно так врать», «почему не призналась раньше», «а если тебя на девять лет за решетку»! И так далее в том же духе.

Шилов жестом попросил тишины и дал слово Маргарите:

– Вы слышали мнение студии. Что вы ответите?

– Простите. Я виновата и прошу прощения у всех честных людей и прежде всего у Игоря Самсонова. Он невиновен в убийстве, отпустите его. Он сидит из-за меня, из-за моей нерешительности, из-за того, что я тогда... обманула.

Оператор показал крупным планом, как Маргарита склонила голову и вытерла слезинку. Затем девушка подняла влажные глаза и произнесла на камеру:

– Теперь, когда я сказала правду, вы не представляете, насколько мне стало легче. А за свою ошибку я готова понести любое наказание.

– Правду, как и шило в мешке, не утаишь! – велеречиво подытожил Шилов и продолжил скороговоркой: – После ко-

роткой рекламы мы узнаем, что говорят об Игоре Самсонове его школьная учительница и институтский друг. Не переключайтесь.

Рывком ладони Елена смахнула крошки со стола прямо на пол. Марату показалось, что следующим движением она смахнет и тарелку с кружкой. Он накрыл своей ладонью руку женщины.

– Лена, успокойся, без тебя разберутся.

– Чуприн похвалил, что не составила протокол. – Петелина выдернула руку и ткнула в сторону телевизора. – Протоколы теперь не нужны, теперь вот – прямое общение с народом.

– Лена, давай переключим, – настаивал Марат. – Лучше поешь, это не только тебе надо. Я сейчас разогрею.

Но следователь упорно смотрела острое ток-шоу, словно вдавливала себе под кожу занозу.

Школьная учительница, седая женщина с наивным трогательным лицом, рассказала, как Игорь любил математику и вообще все точные науки, и характеризовала его только с хорошей стороны. Студенческий приятель подчеркнул, что Игорь не конфликтный человек, он никогда не дрался, предпочитал договариваться, а представить такое, чтобы он проломил голову женщине, вообще за гранью. Их воспоминания сопровождались ранними фотографиями Самсонова, где он выглядел простым пареньком, радующимся жизни.

Для контраста показали видео с заключенными, выходя-

щими из автозака в окружении вооруженных конвоиров.

– Побег из-под стражи – преступление, мы не спорим. Но обвинительный приговор невиновному еще большее преступление, – возвысил голос ведущий и дал слово адвокату Ефиму Брасину, завсегдатаю телевизионных шоу.

– Давайте отбросим эмоции и вернемся к фактам. Свидетель, – адвокат указал на понурую Сергиенко, – всего лишь маленький винтик в следственном процессе. Главный виновный несправедливого приговора следователь, ведущий дело. В данном случае, что особенно прискорбно, следователем была женщина – Елена Петелина.

– Это ваш вывод, как профессионального юриста?

– Разумеется! Следователь должна была перепроверить показания, заново допросить свидетеля, однако не удосужилась это сделать. К ней стекаются факты и улики, которые она обязана сопоставлять друг с другом, чтобы не допустить ложных выводов. Вместо этого Петелина ударными темпами завершила следственные действия, состряпала дело с явным обвинительным уклоном и передала в суд.

Ведущий поспешил добавить:

– Мы звонили в Следственный комитет и пытались пригласить Петелину на передачу. Но нам сказали, что она находится в отпуске и никаких комментариев не предоставили.

– Известный прием. Начальство не хочет признавать свою ответственность и прикрывает провинившихся подчиненных.

– Если правоохранительные органы не хотят восстанавливать справедливость, этим займется общественность. В сети уже набирает популярность хештег: #СамсоновНевиновен. Мы ждем новой информации от всех причастных к этому делу, возможно, от самого Игоря Самсонова, который сейчас вынужден скрываться. И тогда мы снова будем искать правду в этой студии.

Ведущий попрощался. Петелина выключила телевизор. В ее голосе чувствовалась не скрываемая горечь:

– Вот я и прославилась – состряпала дело на ложных показаниях. Как тебе такое? И возразить нечего. Что теперь делать?

Валеев понял, к чему она клонит, сунул перед ней заново разогретый ужин и приказал:

– Ты в отпуске. Ешь!

– Обо мне будут болтать всякое, а я пальцем о палец...

Она не закончила фразу, опустила взгляд на большой живот, горестно вздохнула, понимая, что не сможет сидеть в стороне, как бы этого ни хотела. Дело Самсонова напрямую связано с ее репутацией. Один громкий скандал перечеркнет все прежние заслуги.

Марат покачал головой, прекрасно зная ее характер: о спокойствии можно забыть.

– Хотя бы поешь, – попросил он.

Елена задумчиво обхватила живот: декрет или служба?

С утра пораньше старший следователь Петелина поспешила в свой рабочий кабинет. Все равно не спалось после вчерашнего ток-шоу, да и было опасение, что кто-нибудь из коллег присмотрит для себя ее комфортное место. В кабинете все осталось по-прежнему – не заняли, и табличка с ее должностью-фамилией на дверях сохранилась – прекрасно!

Елена опустилась в удобное кресло, плавно откинулась на упругую спинку, привычно сложила руки на большом животе – хорошо. Любая дорога ей теперь была в тягость, но следователь не опер, ее не ноги и кулаки кормят, а мозги. Пока она не исправит собственную ошибку словесная мантра «тебе нельзя волноваться» эффекта не возымеет. Попробуй сохранить спокойствие, если твое имя, как красная тряпка для поборников справедливости. Дождалась общественного признания.

Если подумать, в ее нынешнем положении есть преимущество: новыми делами не завалят – все-таки баба в декрете, а со старым делом работать не запретят – не на такую напали! Ведь кто-то же убил Екатерину Золотову. Кто, если не Самсонов?

В кабинет вошла Людмила Владимировна Астаховская. Начальница архива притащила большую коробку, бухнула ее на маленький столик у дивана и устремила к Елене.

– Не успели попрощаться – и снова здравствуйте! Рада тебя видеть, подруга, но должна спросить: ты серьезно?

– А что мне делать?

– Отключить телевизор, интернет и телефон в придачу – это первый вариант, – начала советовать Астаховская. – А второй...

– Найти настоящего убийцу.

– В твоём-то положении, – усомнилась Людмила Владимировна.

– Я все равно ни о чем другом не смогу думать, – призналась Елена.

– Тогда получите и распишитесь. Как ты просила, я принесла все материалы по уголовному делу Самсонова.

– По делу об убийстве Екатерины Золотовой, – твердо поправила Петелина.

– Ну да, да.

Астаховская перенесла на стол следователя папки с документами, пакеты с фотографиями. Из раскрытой коробки осталось торчать что-то длинное, замотанное в полиэтилен.

– Та самая тяжеленная ложка для обуви? – спросила Елена.

– Каких только орудий убийства не бывает, – подтвердила Астаховская. – Направишь на новую экспертизу?

– Миша Устинов сейчас где-то в Андах на мотоцикле с подружкой путешествует. Я в декрет, а он мечту юности решил воплотить в реальность. Не вызывать же его из отпуска. А кроме нашего Головастика...

Астаховская понимающе кивнула. Эксперт-криминалист Михаил Устинов, по прозвищу Головастик, помимо стандартных экспертиз мог придумать что-нибудь особенное по принципу: пойдя туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что. И зачастую приносил...

– Буду работать с тем что есть. – Петелина решительно придвинула к себе документы.

Не успели женщины расстаться, как в кабинет вошел полковник Харченко, непосредственный начальник Петелиной. Юрий Григорьевич был целеустремлен и напорист, отодвинул с прохода Астаховскую, уперся взглядом в строптивую подчиненную:

– Пришла, вернулась. А разве я не подписывал приказ о твоём отпуске? Нет, помолчи, я понимаю твою обиду. Ошиблась, ну и что! Не ошибается тот, кто ничего не делает. Ты в декрете, возвращайся домой, мы сами разберемся.

– Мое имя полощут с экрана. Я буду меньше волноваться, если займусь делом.

– Каким делом?

– Вот этим самым. – Елена прихлопнула ладошкой папку из архива. – Пусть главная свидетельница изливает душу в моем кабинете, а не на ток-шоу.

– Далась тебе эта передача. Поворчат и забудут. Там каждый день скандалы.

– Вот именно, что каждый день! В любой момент продолжат нападки. А есть еще интернет, где обсуждают следствие,

кому не лень. Точнее осуждают. Уже и лозунг есть – СамсоновНевиновен. Нажмите, почитайте.

– Некогда мне ерундой заниматься, – отмахнулся Харченко и обратился к Астаховской: – Людмила Владимировна, ты как женщина на нее повлияй. Не дело это, чтобы сотрудники в таком положении в нашем учреждении...

– Дискриминация по половому признаку, Юрий Григорьевич? – хитро прищурилась Астаховская. – Тоже горячая тема, как бы не обжечься.

– Да что ты выворачиваешь мои слова!

– Я по-дружески. А представьте, что журналисты с вами сделают? Сейчас они топчутся на Елене, но скоро выяснят, кто ее начальник, и вам мало не покажется.

Харченко скривился, понимая, что за ошибку подчиненной придется отдуваться и ему. Ладно бы только перед журналистами, так еще и перед высоким начальством. Петелина в это время озабоченно смотрела в ноутбук.

– Вот, полюбуйте! – воскликнула она.

– Что такое?

– Новый всплеск про Самсонова.

– Что на этот раз? – Начальник зашел за спину Елены, чтобы видеть дисплей.

– В сети появилась видеозапись обращения Самсонова.

– Чего?! – Харченко беззвучно выругался. – Дожили! Раньше беглецы таились, боялись нос высунуть, а теперь в телезвезды метят. О чем он болтает?

Елена нажала ссылку. На дисплее появилось худое небритое лицо Игоря Самсонова. Изображение немного дергалось, Самсонов снимал себя сам, держа телефон в вытянутой руке. Он был одет в спортивный костюм с логотипом Nike на груди. Судя по антуражу, попадавшему в кадр, беглый преступник находился в кабине движущегося грузовика.

На фоне шума дороги хорошо был слышен его взволнованный голос:

– Я Игорь Самсонов, невинный человек, осужденный за убийство. Я жив и все еще на свободе – это чудо. С тех пор, как убита моя жена, я словно попал в ад, меня окружали сплошь плохие люди: следователь, прокурор, судья, конвоиры. Они объявили меня убийцей, но пусть помнят, что кроме земного суда, который играет по их правилам, есть высший суд, где всем воздастся по заслугам, кому за подлость, кому за добро. Жалко, что для этого надо ждать смерти...

Самсонов потупил взор, затем встрепенулся и заговорил быстро:

– Быть может завтра меня не станет, а следователь и судья будут жить, наплевав на совесть, и снова невинные люди пострадают из-за их ошибок. А где-то живет и здравствует настоящий грабитель-убийца. Он среди вас и каждый может стать его следующей жертвой. И ты, и ты, и ты...

После паузы беглец продолжил:

– Чего я хочу? Справедливости. Я готов отвечать за побег, но не за убийство любимой женщины, к которому не

причастен. На свете много хороших людей, в этом я убедился после побега. Я вас прошу, боритесь за правду, ведь я не единственная жертва предвзятого следствия. Посадили меня – посадят и других. Остановите произвол!

Ролик закончился. Страдающие глаза Самсонова смотрели на следователей с застывшей картинкой.

– Предвзятое следствие, произвол, – недовольно пробурчал Харченко. – И что, теперь всякий вот так может бросать обвинения и его будут слушать?

– Тысячи просмотров, сотни репостов, десятки комментариев, – печально констатировала Елена. – Почитать?

– Да закрой ты его! – начальник захлопнул ноутбук и прошелся по кабинету, морща лоб. Ничего не придумав, он обратился к Петелиной: – Что будем делать?

Елена вздохнула и сцепила руки перед собой:

– Работать. Я должна найти настоящего убийцу.

– В твоём положении? – усомнился полковник.

– Ещё месяц до родов.

– Даю неделю. Максимум две, – нехотя согласился Харченко и предупредил: – Я не потерплю, чтобы ты устроила роддом на рабочем месте.

– Юрий Григорьевич, – вступила в разговор Астаховская, – в случае чего, вы на служебной машине с мигалкой Лену быстро в роддом доставите.

Харченко покрутил возмущенными глазами, махнул рукой и вышел.

– С возвращением! – поздравила подругу Людмила. – А времени у тебя действительно мало. С чего начнешь?

– Откуда Самсонов вышел в сеть? – вслух размышляла Петелина.

– Технари говорят, если зашел в интернете, значит наследил, – подсказала Астаховская.

Следователь взяла телефон и набрала номер прокурора Чуприна.

– Привет, Георгий! В интернет заглядываешь?

– Ты про выходку Самсонова? Без тебя знаю, держу руку на пульсе.

– С какого устройства, где? – прямо спросила следователь.

– Смартфон. Номер установили, позвонили по нему – это дальнобойщик, подвез нашего беглеца. Самсонов надиктовал обращение в его телефон, – нехотя отвечал Чуприн.

– Группа захвата выехала?

– Дальнобойщик, урод, отказывается говорить, где посадил, где высадил беглеца. Типа он честный, невиновного не сдаст. Но есть другие способы.

– Какие?

– Петля, ты следак или нет? Разумеется, я узнал личность водителя. Узнал марку и номерной знак его фуры.

– Это я и хотела предложить.

– Послушай, милая дамочка в интересном положении. – Прокурор перешел на снисходительный тон. – Тебе вчерашнего дерьма по телящику мало?

– Поэтому и вышла на работу, чтобы отмыться.

– Петелина, женские игры закончились! Урезонь болтливую свидетельницу, припугни, как следует, а там на Урале дай мужикам поработать.

– Что ты задумал? – забеспокоилась следователь.

– Я своих планов не меняю, – понизил голос прокурор. – О фуре я сообщил пострадавшему конвоиру. Поверь мне, Самсонову не долго осталось бегать.

Старший лейтенант Кочанов взглянул на часы – около восьми вечера, а темная неосвещенная трасса в тоннеле густого леса уже соответствовала глухой ночи.

– Не спать! – прикрикнул он на водителя, хотя громким возгласом хотел взбодрить сам себя.

– Старшой, мы меняемся, – объяснил Ширко, кивнув на напарника.

Кочанов глотнул воды из бутылки и принял амфетамины. Таблетки бодрости, как генератор, подзаряжали его злой уверенностью.

За изгибом черной дороги с правой стороны лес отступил и на освобожденном пространстве показались огни бензоколонки, вывеска кафе и силуэты припаркованных фур.

– Ночевка дальнобойщиков, – доложил Сиротин.

«Чероки» с тремя охотниками за беглым зэком свернул на парковку, снизил скорость до черепашьей и поехал вдоль фур, стараясь светить на номера.

– Нашелся, гаденыш! – первым разглядел номерной знак Ширко и заблокировал джипом автофургон.

Кочанов сверился с данными в смартфоне, которые получил от московского прокурора – все верно.

«Вот ты и попался, тупой доброхот Александр Александрович Гордилов. Хотел бандиту помочь, а сам улигнуть – не

выйдет! Не тем дорожку перешел, козел! Хорошо бы и Самсонов был с тобой», – мстительно подумал Кочанов.

Однако в кабине автофургона никого не было, Впрочем, как и в соседних машинах. Водители дружно отдыхали в кафе.

– Покопайся в кабине, – поручил Кочанов более толковому подчиненному Сиротину. – А мы с Ширко заглянем в кафе.

Сиротин вооружился большой отверткой, встал на подножку высокой кабины и вбил плоское острие в замок водительской двери. Зачем мудрить, если он власть при исполнении.

Провернув личинку замка, Сиротин открыл дверь и забрался в кабину. Первым делом проверил спальное место за сиденьями – не дрыхнет там кто? Пусто. Открыл бардачок, пошуровал в бумагах, посветил фонариком. Сверху лежала папка с путевым листом и накладными на груз. Так, откуда-куда? Латайск – Каменогорск. Все сходится, Гордилов мог посадить Самсонова по дороге, и дальнейший его маршрут известен. Что еще тут можно посмотреть?

Тем временем двое других конвоиров вошли в кафе, наполненное запахом прогорклого масла и низким гулом мужских голосов. Полтора десятка суровых мужчин, сидевших за столиками, на миг умолкли, обратив внимание на вооруженных людей в камуфляже, но быстро вернулись к своим разговорам. Ничего удивительного, служивые люди тоже ку-

да-то мотаются и есть хотят, как все смертные.

Конвоиры прошли к стойке буфета, уселись с края, прощупали взглядами собравшихся.

– Самсонова нет, – разочарованно процедил Кочанов.

Они заказали кофе и бургеры.

– Пожрем пока водилы не разойдутся, – вгрызаясь в толстый бургер, промышчал Ширко. – Кто к нашей фуре вернется, тот и Гордилов.

– Не люблю ждать, – выразил недовольство Кочанов.

– Проверим документы и здесь повяжем? – с сомнением спросил сержант. – Рожи-то какие, и не чайком они балуются, а пивком.

Кочанов зыркнул на подчиненного, мол, не твое дело за старшего решать, и тихо приказал:

– Приглядиись, кто за трубку схватится.

Он тайком набрал номер телефона водителя Гордилова. Среди гомона голосов не было слышно гудков, но один из посетителей поднял трубку и ответил. Старший лейтенант отрубил связь.

– Вон тот, старый в кожанке, – взглядом указал на седовласого мужчину Ширко.

– Пока сидим тихо. Когда он выйдет из кафе, мы за ним, – решил Кочанов.

Гордилов пил пиво в компании более молодых шумных дальнотойщиков. Судя по количеству бутылок на столе, водители никуда не спешили и собирались здесь заночевать.

Вскоре выпитое пиво дало о себе знать, двое болтливых водителей и Гордилов направились в туалет, который располагался в отдельной пристройке.

Выйдя из кафе, Гордилов закурил, его приятели ушли вперед. Этим воспользовался Кочанов. Он подкатил к дальнотойщику, разминая сигарету:

– Огоньком поделитесь?

Водитель чиркнул зажигалкой, но в руках старлея вместо сигареты уже была фотография Самсонова.

– Узнаешь? – спросил он. – Только не ври, что не подвозил преступника. Где он?

Стоявший рядом Широ для убедительности поднял автомат и направил на дальнотойщика.

– Кто вы? – заозирался Гордилов.

– Мы власть, а ты пособник убийцы.

– Он не убийца.

– Значит, признал беглеца. – Кочанов убрал фотографию. – Где ты его подцепил?

– Подсадил около Чернотеевской.

– Где Самсонов сейчас?

– Точно, он так себя и назвал, Игорь Самсонов. Рассказал свою историю про смерть жены, все, как было на самом деле. Он невиновен.

– Ты не судья и не адвокат. Отвечай по делу! Где Самсонов сейчас? – Левоу рукой Кочанов схватил водителя за лацкан куртки, а правую занес для удара.

– Он сошел.

– Где?!

– Понимаете, он хочет справедливости. Готов сдаться, но при условии...

Старлей резко ударил водителя кулаком в челюсть, удержал его на ногах и добавил еще.

– Говори, падла!

Перепуганный водитель облизнул разбитые губы.

– Э? В чем дело? Ты че на Саныча лезешь? – раздался сбоку подвыпивший голос. Двое молодых дальнобойщиков вернулись из туалета и вклинились в перепалку: – Отвали от Саныча!

– Вы хоть знаете, с кем связались? – Кочанов отпустил Гордикова и повернулся к новым противникам. – Пошли вон!

– С нами грубить не надо. Мы люди мирные, но руки-ноги ломать умеем.

– Хотите вместе с ним под арест?

– А кто ты такой? Камуфляж напялил и наглеешь? Документы покажи.

– Да я вас на месте положу! – разъярился старлей.

– Значит, бандит. Зови наших!

В этот момент со стоянки раздались крики:

– Мужики, вор! В фуру залез! Держи его! Хватай! Бей в морду!

«Сиротин попался», – понял Кочанов.

Из кафе на шум вывалила группа водителей. Численное преимущество противников стало очевидным. Неожиданно крики дальнобойщиков оборвались двумя выстрелами.

– Не подходи, убью! – это уже кричал Сиротин.

– Влипли, – пробормотал Кочанов и скомандовал Широко: – За мной!

Они прибежали к фуре. Сиротин с разбитым носом водил пистолетом туда-сюда, отгоняя трех разгневанных дальнобойщиков. К месту конфликта подтянулись с десятков водителей, многие угрожающе покачивали в руках монтировки.

– Кабину Саньча вскрыли, суки! – пояснил самый смелый из первой троицы, показав на дверцу. – Проверьте остальные.

Кочанов оценил ситуацию – все участники на ногах, огнестрельных ранений нет, но ситуация дерьмовая. Не стрелять же по агрессивной толпе.

– Расступись, придурки! Мы уезжаем, – решил он.

Угрожая оружием, тройка конвоиров прошла к машине. Джип взревел всеми лошадаками под капотом и спешно покинул стоянку дальнобойщиков.

– Вот, гады, толпой прут! Мы ничего не узнали, – ругался Кочанов.

– Водила где-то высадил Самсонова, если не врет, – напомнил Широко, управлявший джипом.

Сиротин сидел, задрав голову, вытирая разбитый нос бу-

мажными салфетками.

– Я карту памяти видеорегистратора из фуры прихватил, – сказал он. – Если Самсонов попал в кадр, узнаем.

– Как ее посмотреть? – оживился Кочанов.

– Маленькая. Попробую сунуть в смартфон. – Сиротин повозился пару минут и доложил: – Есть. Подключил.

– Показывай! – торопил старший.

Сиротин изучил список коротких файлов, в названии которых фигурировали дата и время. Просмотр начал с последнего. На маленьком дисплее появилось цветное изображение со звуком.

– Гордииков подъезжает к парковке у кафе, ни с кем не разговаривает. Наверное, один в кабине, – комментировал сержант.

– Или болтать с Самсоновым надоело. Крути назад по очереди.

Файл за файлом камера видеорегистратора показывала дорогу непосредственно перед кабиной автофургона – однообразные пейзажи под звук работающего радио.

– Мотани на пару часов назад, – не выдержал Кочанов.

Сиротин выбрал файл из списка, начал воспроизведение. Та же дорога, но радио приглушено, слышна беседа.

– Это Самсонов травит байку о своей невинности! – обрадовался Кочанов. – Крути следующий.

Через несколько файлов они увидели, как дальнобойщик остановился в каком-то поселке. Хлопнула дверца, перед ка-

биной появился Игорь Самсонов в спортивном костюме Nike и помахал водителю рукой. Фура тронулась дальше, а беглец остался на обочине.

– Где он его высадил? – Старший лейтенант ерзал от нетерпения.

Сиротин крутил записи дальше. Не прошло и минуты, как в видеорегистратор попала табличка, обозначающая окончание населенного пункта.

– Филатово! – прочитал он.

– Мы проезжали этот поселок, – припомнил Ширко.

– Разворачивай. Погнали туда!

Бизнес-центр «Золотой запад» соседствовал с крупной городской магистралью и пересадочной станцией метро. Место было выбрано с расчетом: не перегруженный центр и не дальняя окраина – золотая середина. Удобно добираться и боссам на автомобилях и клеркам общественным транспортом. В подобных локациях располагались три других бизнес-центра компании «Золотой квадрат» – «Золотой юг», «Золотой восток» и «Золото севера». Что ни говори, а любил владелец компании Борис Золотов ассоциации со своей знаковой фамилией. Это вам не масло масляное – золота много не бывает.

После цепи трагических событий: смерти Золотова, убийства его единственной дочери и ареста зятя – компанией «Золотой квадрат» руководил финансовый директор Баринов Валентин Евгеньевич. Финансист умел считать деньги и любил это занятие.

Первым делом Валентин Евгеньевич освободил просторный директорский офис с панорамными стеклами на престижном последнем этаже бизнес-центра. К чему ненужный пафос, если за освободившуюся площадь можно получить хорошую арендную плату. Ему было достаточно обычного кабинета в цоколе с видом во двор. Ведь деньги от аренды – это не только прибыль компании, но и его личные доходы.

Баринов ловко управлял кранами денежных потоков, направляя существенный ручеек на подконтрольные себе счета в офшорах. Списать расходы было на что, он якобы заказал проект нового бизнес центра зарубежному архитектурному бюро, а там расценки ого-го какие!

Последние дни Баринов сильно нервничал. Не помогали ни монотонный бег в фитнес-центре, ни алкоголь по вечерам, ни общедоступные антидепрессанты. Ведь так удачно все устроилось: хозяин компании умер, его дочь убита, а ее муж Игорь Самсонов, единственный оставшийся наследник, отправлен в колонию на долгие годы – никто не мешает управлять доходным бизнесом. Эх, ему бы еще пару лет во главе «Золотого квадрата» продержаться, и он бы обанкротил ощипанную компанию с превеликой выгодой для себя.

Черт бы побрал болтливую свидетельницу Маргариту Сергиенко! Зря он ее пожалел после смерти босса. Хотя и убрал из ассистенток с глаз долой, но перевел на другую должность с повышением в зарплате. Не оценила, тварь!

Какого лешего она поперлась на телевидение со своими откровениями. Сопли пустила – Самсонов не убивал, Самсонов невиновен. Вот же дура! Сначала должна была обсудить муки совести с ним, новым работодателем. Он бы нашел другое решение, выгодное каждому. Опасные тайны для того и существуют, чтобы их дорого продать. Или унести с собой в могилу.

А ведь все могло быть иначе. Когда-то он ухаживал за Ка-

тей Золотовой с самыми серьезными намерениями. Но девушка отвергла его, мол, из-за папочки подкатываешь. А хоть бы и так! Он состоявшийся серьезный человек, готовый со временем заменить босса на ответственном посту и приумножить семейный капитал. Просчиталась, выбрала никчемного ровесника, дура! И что теперь? Закономерный результат. Он так и так руководит компанией, а от семьи Золотова остались только словесная ассоциация на вывесках бизнес-центров.

Но ничего, прорвемся! В бизнесе всегда возникают проблемы, требующие оперативного вмешательства. Нужно уметь расставить приоритеты и преодолевать невзгоды, не гнушаясь грязной работы. Ведь даже чистейшее золото добывается в грязных карьерах.

Итак, приоритеты.

О Маргарите Сергиенко можно на время забыть, все худшее совестливая дурочка уже сделала. Теперь главная опасность исходит от Игоря Самсонова. Если беглеца, не дай бог, оправдают, то Игорек вернется и возглавит компанию. Он не дурак, найдет хищения и быстро выяснит, кто за ними стоит. Тогда пощады не жди, решимости Самсонову не занимать, раз бросился в бега. Придется самому в бега податься или, того хуже, оказаться вместо него за решеткой.

Вот черт, все было так хорошо – и на тебе! Что же делать?

Мучительные раздумья, когда на весах не только собственное благополучие, но и свобода, подсказали Баринову

дерзкое решение. Выбора у него не осталось – надо рисковать. Не хотелось прибегать к радикальным мерам, а придется.

На первом этапе он прикинется верным другом Самсонова. Это не трудно. Он активно помогал Игорю во время следствия: нанял адвоката, организовывал передачи в СИЗО, поддерживал на словах.

Сейчас побег Самсонова обсуждают в соцсетях, беглец наверняка просматривает сообщения о себе и, если увидит наживку от знакомого человека, то должен клюнуть. А наживка будет заманчивой. Он предложит ему помощь, мол, друзья познаются в беде, вместе мы сила и прочее в том же духе. Игорь ему позвонит, куда ему деваться. А он к этому моменту подготовит ему смертельную ловушку. Как говорится: нет человека – нет проблемы.

Баринов разместил в соцсетях десяток намеков для Игоря Самсонова от своего имени. Для верности в качестве картинки использовал логотип компании «Золотой квадрат», бросающийся в глаза.

«Я жду, Игорек, приманка готова», – мысленно похвалил себя Баринов.

Следующая часть его плана предполагала полную анонимность. Для этого у финансиста имелся старенький смартфон с левой симкой и новая электронная почта на имя Albert666.

Валентин Евгеньевич ранее убедился, что в век интернета найти отморозка для грязного задания не так уж и трудно.

Достаточно ввести грамотный запрос на сайтах объявлений о поиске работы. Всегда найдутся люди, готовые рискнуть ради денег. И он нашел то, что хотел.

«Согласен на любую опасную работу за хорошее вознаграждение» – писал некий Makar007.

Короткая переписка с намеками показала, что Makar007, как и агент 007, умеет драться, владеет оружием и очень нуждается в деньгах. Albert666 признался, что ему мешает плохой человек, но сразу раскрывать главный план не стал. Требовалось проверить Макара в серьезном деле.

О тестовом образце долго размышлять не пришлось. Маргарита Сергиенко – вот кого надо наказать за болтливый язык! Пусть Макар ее хорошенько отмутузит.

«Цель выбрана идеально!» – похвалил себя Баринов. Во-первых, он легко проверит, что задание выполнено на совесть, и Макар действительно беспринципный отморозок, а не подсадная утка. Во-вторых, если анонимный киллер не пожалеет слабую девушку, то перед убийцей в бегах его рука точно не дрогнет.

С учетом срочности задания сговорились на двухстах тысячах рублей. Через мессенджер, удаляющий сообщения, Баринов скинул фото Маргариты Сергиенко и ее адрес. С виртуальной карты перевел Макару аванс – сто тысяч.

Чем бы она сейчас занималась дома? Таскалась, поддерживая живот, от постели до кресла, прислушивалась к внутреннему состоянию: как там младенец, все ли идет правильно? И каждый позыв в туалет подвергала сомнению: а не начинается ли? Уткнулась бы в сайты для будущих мамочек, которые своими наставлениями и ограничениями только нагоняют страхи. В лучшем случае готовила у плиты что-нибудь правильное и жутко полезное, отчего воротит нос дочь Настя, а Марат стойко жует по принципу – лишь бы жену не расстроить, а сам по холостяцкой привычке стал плотно обедать на службе.

Уж лучше в родном кабинете окунуться в привычные проблемы и не замечать биологических часов, уменьшающих срок до тревожно-счастливого испытания.

Елена Петелина заново изучала материалы уголовного дела по убийству Екатерины Золотовой.

Вот фотографии с места преступления. Тело жертвы на полу в прихожей. Лежит лицом вверх, хотя, как установили эксперты, ее ударили по затылку сзади, и она рухнула на керамический пол, разбив нос.

По словам Самсонова, это он перевернул жену, пытаясь ей помочь, оттого и испачкался ее кровью. Все убийцы со следами крови на одежде сочиняют нечто подобное. А если он

хотел убедиться, что супруга мертва, и при необходимости добить ее? Эта версия и возобладала во время следствия.

Орудие убийства, чугунную ложку для обуви, преступник не стал уносить с собой – она валялась в паре метров от тела. На рукоятке ложки эксперт обнаружил отпечатки пальцев Самсонова, но они могли остаться там ранее, он же хозяин дома. С другой стороны, предмет выбран удачно, не надо надевать перчатки, провоцируя подозрения супруги. Самсонов вошел в дом вслед за ней, взял тяжелую ложку, висевшую на стене, и неожиданно ударил женщину по затылку. Катя упала, но еще шевелилась, и он добил ее.

Так Петелина думала во время следствия.

Убить мог и грабитель, застигнутый врасплох. Тот действовал в перчатках и не оставил следов. Но подвох в том, что профессиональный грабитель не пойдет на мокрую, ему достаточно оглушить хозяйку, а здесь два удара по голове. Два! Причем второй по упавшей женщине.

Цель грабителя – ограбление, а что имеем по факту?

В тот вечер по случаю выхода в театр на Екатерине Золотовой были бриллиантовые украшения: кольцо в два с половиной карата и серьги с камушками по карату. Обе сережки были выдраны из ушей, их так и не нашли.

Почему грабитель не взял кольцо? По найденным в доме чекам кольцо существенно дороже сережек. Допустим, кольцо сидело плотно, не справился. Но на пальце нет гематомы, значит, и не пытался. Брендую сумочку жертвы, которая

сама по себе стоит немало, тоже не прихватил и даже не вы-
потрошил. А там был iPhone последней модели и банковские
карты.

Зато в гостиной и на кухне ящики были выдвинуты, вещи
разбросаны – типичная картина ограбления. Но в богатых
домах вор прежде всего ищет сейф или тайник. Законченные
мерзавцы истязают хозяев, чтобы выпытать код сейфа и пин-
коды банковских карт. А здесь хозяйка убита сразу, бытовой
сейф в кабинете, который теоретически можно было выло-
мать и прихватить с собой, не тронут, содержимое сумочки
тоже. Довольно странное поведение для грабителя.

Поэтому в день убийства Петелина сразу подумала про
инсценировку. К тому же свидетельница четко заявила, что
видела только убегающего Самсонова. Он мог убить жену,
изобразить ограбление, но не успел довести задуманное до
конца. Явилась Сергиенко, и он в панике убежал. Серьги
сбросил где-то по дороге, а больше ничего прихватить не
додумался. В таком состоянии мыслить рационально невоз-
можно, он же не хладнокровный маньяк.

Но если предположить, что действовал неопытный залет-
ный вор, то все сходится. Поздний вечер, в богатом доме ни-
кого, грабитель-дилетант думает, что хозяева в отъезде. Раз-
бивает заднюю стеклянную дверь, начинает искать чем по-
живиться, не включая свет, поэтому и не находит сейф. Тут
возвращается хозяйка – выброс адреналина, паника, удар
подвернувшейся железякой, страх, побег. Вот и Сергиенко

его видела. Чтоб ее! Рассказала бы правду в тот же вечер, и все сложилось бы по-другому.

Профессиональная обида на нерадивую свидетельницу не могла заглушить муки совести.

Как же удобно сваливать собственные ошибки на других. По большому счету главная вина лежит не на Сергиенко, а на ней лично, старшем следователе с огромным опытом работы. Сколько раз она сталкивалась с ложными показаниями и ошибками свидетелей. Проверять и перепроверять, сопоставлять все данные, сводить их воедино и докапываться до истины – это суть ее работы. В данном деле она ухватилась за первую удобную версию, пошла по легкому пути и допустила ошибку. Чудовищную, непростительную! Она отправила за решетку невинного человека.

Но если не Самсонов, то кто? Как найти настоящего убийцу спустя пять месяцев?

Бесконечно укоряя себя за профессиональный просчет, Елена провела в бесплодных размышлениях весь день. Новой ниточки, способной распутать клубок загадки, не появилось, беспомощность порождала усталость и раздражение.

Под вечер ее отвез домой Валеев. Видя подавленное состояние беременной женщины, он попытался развлечь ее байками из будней оперативников, но грубые мужские шуточки не помогали.

Марат не выдержал и прямо сказал:

– Нельзя так, Лена. Ты вся на нервах, плюнь на работу,

думай о нашем ребенке, это сейчас самое важное.

Елена отрешенно посмотрела на него.

– Каждый день бабы рожают – обычное дело. А теперь представь, я погибаю на твоих глазах, ты пытаешься мне помочь, и тебя ленивый следователь упекает в тюрьму за кровь на руках. Ведь по статистике в смерти жены чаще всего виновны самые близкие.

– Не смей так говорить! Сплюнь!

– А я представила и пришла в ужас. Что я натворила.

Марат был рад, что дома оказалась Ольга Ивановна, мама Лены. В ожидании внука, она теперь часто помогала беременной дочери по хозяйству. Оперативник сослался на срочное задание и уехал. Безрадостное настроение жены, способное перерасти в депрессию, терзало Валеева, и он придумал, как помочь ей.

Его целью был бизнес-центр «Золотой запад». Рабочий день только что закончился и из просторного застекленного вестибюля массово выходили офисные сотрудники. Наметанный взгляд оперативника вычислил ту, ради которой он сюда примчался – свидетельницу Маргариту Сергиенко. Красивая холодная стерва – дал ей определение опер.

Маргарита шла в компании болтливой подружки. Как только женщины распрощались, направившись к разным станциям метро, Валеев в три шага догнал ее и схватил за локоть. Девушка испуганно обернулась.

– Маргарита Сергиенко, вы арестованы за дачу ложных

показаний, – устрашающим голосом заявил оперативник, насладившись страхом, вспыхнувшим в ее глазах, и зашипел: – Ты этого добиваешься? Могу устроить.

– Кто вы такой? – вскрикнула девушка.

– Майор полиции. Я имею право задержать тебя на двое суток. Это будут незабываемые сорок восемь часов. Уж, ты мне поверь!

– Но я... У меня есть адвокат, я позвоню, – пришла в себя девушка.

Она хотела открыть сумочку, но Валеев так сильно дернул ее за локоть, что сумочка выпала из ее рук. Он не позволил поднять сумку, продолжая с силой сжимать обе руки.

– Адвокатишку из телестудии? Опять славы захотелось? – начал заводиться Марат. – Зачем ты вылезла в это дело спустя пять месяцев? Как тебе верить? Если ты врала тогда, может, и сейчас врешь! Может, все это ради денег, которые платят на телешоу! Одному жизнь сломала, теперь на других топчешься.

– Я говорю правду.

– Да кому нужна твоя правда. Дала показания и заткнись, не лезь на рожон! А то...

Валеев сильнее сдавил ее руки, понимая, что лимит физических угроз исчерпан.

– Отпустите, мне больно, – захныкала Маргарита. – Если задерживаете, то дайте позвонить адвокату.

– Это так, первый урок.

Валеев разжал пальцы и в сердцах пнул женскую сумочку. Сумочка раскрылась, высыпав содержимое.

– Сама себе жизнь сломаешь, дура! – напоследок выругался он и ушел.

Маргарита расплакалась от унижения и на корточках собирала вывалившиеся из дамской сумочки аксессуары. К ней подбежала обеспокоенная подружка.

– Кто это был?

– Сказал, что полицейский.

– А действует, как бандит. Как только ты вскрикнула, я стала снимать на телефон.

– Что?

– Нападение на тебя.

– Покажи, – заинтересовалась Сергиенко.

Вытерев слезы, она посмотрела запись. Начиная со слов про адвоката все события были зафиксированы.

– Что будешь делать? Ты это так оставишь? – не унималась подруга.

– Скинь мне запись, я подумаю, – пообещала Маргарита.

В поселок Филатово, где видеорегистратор дальнобойщика засек вышедшего из фуры беглеца Самсонова, охотники-конвоиры приехали только утром. Пришлось заночевать в дороге. Кочанов на амфетаминах еще бы продержался, но ребята роптали, всем требовался отдых.

Джип «Чероки» остановился около продуктового магазина. Пока подчиненные затаривались напитками и едой, старший лейтенант обратился к пожилой настороженной продавщице:

– Здравствуй, хозяйка. Мы тут по делу. Видела такого? – он показал фотографию Самсонова.

– И я не бездельничаю.

Женщина посмотрела сквозь витрину на американский джип, недоверчиво покосилась на путника. Она хорошо помнила братков из лихих девяностых и сейчас испытывала сомнения, глядя на небритые личности в помятом камуфляже.

– Или может слышала, что кто-то приютил чужого человека? Ты ведь всех в поселке знаешь.

– Я не участковый, чтобы всех знать, – отрезала продавщица. – Тут трасса, многие проезжают.

– Так видела или нет?

– В магазин не заходил. – Женщина отвернулась и принялась расставлять товары.

Холодный прием и упоминание участкового инспектора натолкнули Кочанова на здравую мысль. Он выяснил, где живет участковый, наскоро перекусил и вскоре стучал в дверь частного дома.

Участковым инспектором оказался полненький усатый мужчина с седыми висками, засидевшийся в звании старшего лейтенанта. Инспектор изучил, предъявленное удостоверение, и нехотя представился, почесывая волосатую грудь под расстегнутой форменной рубашкой.

– Участковый Баранов. В чем дело?

– Помогите, Баранов. В вашем поселке может скрываться беглый преступник Игорь Самсонов.

– Тот самый Самсонов, про которого по телику болтали?

– Он, мать его! Надо обойти дома, опросить людей. Кто-то должен был его видеть.

– Нас тут всего двое: я да сержант-водитель, – с сомнением сказал участковый.

– Вас двое да нас трое! – демонстрировал оптимизм Кочанов. – Разделимся на группы и пойдем с двух концов. Вы людей знаете, мы готовы действовать.

Заспанное лицо участкового выражало единственную мысль: а оно мне надо?

Кочанов вспомнил про документ, который получил по факсу от московского прокурора Чуприна. Столичный карьерист был крайне заинтересован, чтобы Самсонов поскорее наткнулся на автоматную очередь, и снабдил столь же

мотивированного старлея нужной бумагой.

Начальник конвоя протянул участковому документ:

– Читай. И посмотри на бланк – из генпрокуратуры!

– Старший лейтенант ФСИН Кочанов Д.М. возглавляет специальную группу по задержанию особо опасного преступника Самсонова И.Р. Руководители местных органов МВД обязаны оказывать ему всяческое содействие, – пробубнил участковый и прищурился. – Так то руководители, а я десятая спица в колеснице.

– Ты что, Баранов, до пенсии не хочешь дослужить? – рывкнул начавший выходить из себя Кочанов. – Я устрою!

– Ладно, остынь. Пять минут.

Участковый инспектор скрылся в доме, а когда появился в фуражке и кителе предстал вполне компанейским болтливый сослуживцем. Он вызвал своего сержанта, а пока тот ехал, посмотрел запись с видеорегистратора, узнал место, где вышел Самсонов – восточная окраина Филатово. Туда и направились Кочанов с участковым, а их подчиненные начали обход с западной части поселка, вытянувшегося вдоль федеральной трассы.

– Я так разумею, – рассуждал Баранов по пути. – Особое внимание одиноким женщинам. Наши бабы грудью защитят любого обиженного, а тут еще и богатого вдовца из столицы. Укроют, накормят, приголубят.

– Самсонов не безвинная овечка, а убийца, – напомнил Кочанов.

– По телику другое болтают. Бабы любят скандальные передачи и еще «Давай поженимся». А тут два в одном. Цепкая бабенка от такого шанса не откажется. Самсонов наверняка нашел здесь ночлег. Если на одну ночь, то уже смылся, а если на вторую задержался...

Баранов остановился, как вкопанный, озаренный светлой мыслью.

– Баба такого гостя одного не оставит, а был рабочий день. Так-так, где у нас больше всего женщин работает? На птицеферме. Туда и позвоним.

Он набрал номер, поболтал о том о сем и, как бы невзначай, задал нужный вопрос. Закончив разговор, участковый гордо посмотрел на Кочанова.

– Анфиса Гладышева взяла неожиданный отгул, а ее дом здесь рядом.

– И что?

– Анфиса баба бойкая, фигурой не обижена и третий год одна. Между прочим, ее муж на зоне, вторая ходка. Для нее помощь беглецу – богоугодное дело.

– Так идем к ней, – сообразил Кочанов.

Они подошли к одноэтажному частному дому, отгороженному покосившимся штакетником с облупившейся краской. Прежде чем открыть калитку, Баранов вполголоса предупредил:

– Я общаюсь, а ты за кустом держись – чужак настораживает. А как шумну, беги на помощь.

Кочанов наблюдал из-за куста, как хозяйка распахнула участковому дверь. Он ее верно описал – большая грудь под обтягивающей блузкой, горделивая осанка, мордашка накрашена, а глаза прицениваются, что да как. Участковый инспектор о чем-то поговорил с Анфисой и зашел в дом, хотя та не очень-то хотела его пускать.

Старший лейтенант подбежал к закрытой двери, прислушался. Вскоре спокойный разговор сорвался на повышенные тона, и он ворвался в дом.

– Еще один вертухай пожаловал, – встретила его в штыки разбушевавшаяся хозяйка – Я вас, козлов, не приглашала. Валите!

Женщина грудью пыталась оттеснить участкового. Тот упирался, указывая рукой:

– Самсонов был здесь, ночевал. Смотри!

На веранде на веревке сушилась светло-серая спортивная форма Nike, в которой видели беглеца. Кочанов достал пистолет, передернул затвор, направил на Анфису.

– Где он?

Хозяйка отступила, молча сверкая глазами.

– Она дала ему одежду мужа, и он ушел, – рассказал Баранов о том, что удалось узнать.

Кочанов быстро проверил комнаты, заглянул в шкаф, под кровать – пусто. Он вернулся к Гладышевой, пистолет не убирал, используя ствол в качестве угрозы.

– Выкладывай, о чем говорила с Самсоновым. Когда он

ушел, куда?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.